

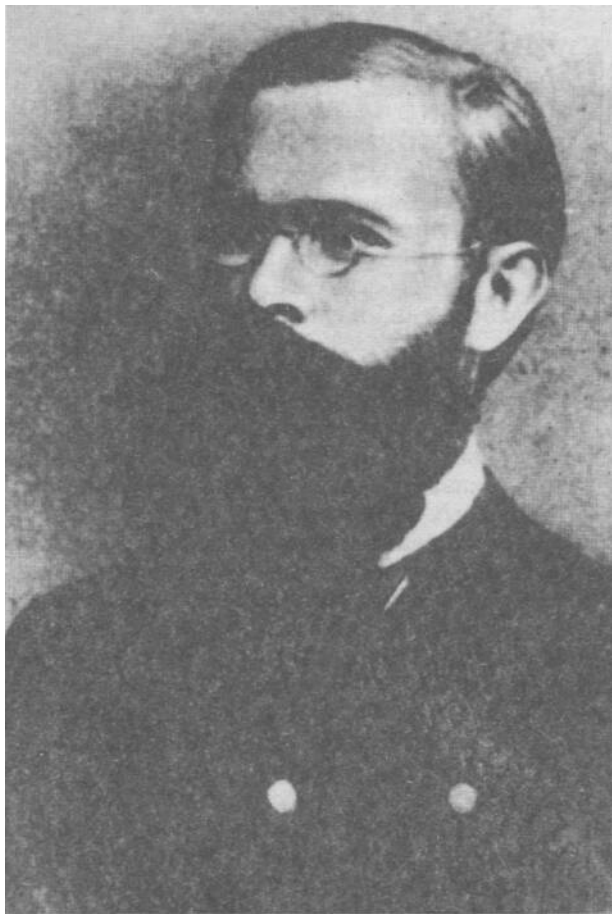
**НИКОЛАЙ АНДРУСОВ:
СДВИГ ИСТОРИИ И ИЗЛОМ СУДЬБЫ**

Николай Иванович Андрусов (1861—1924) — выдающийся русский геолог, академик Петербургской и Украинской академий наук. Его работы, опубликованные в конце XIX—начале XX в., составляют эпоху в стратиграфии, палеонтологии, палеогеографии, палеоэкологии, океанологии. Исследования Н. И. Андрусова привели к разработке детальной стратиграфии неогеновых отложений Понто-Каспийской области и до сих пор являются образцом по четкости и точности стратиграфических схем. Последующие работы лишь детализировали заложенную в этих схемах рациональную основу. Плодотворность наследия Н. И. Андрусова сказалась и в практике открытия месторождений нефти на новых территориях.

Вся жизнь и исследовательская работа Н. И. Андрусова была тесно связана с Черным морем, на берегах которого, в Одессе, он родился. Учась в керченской гимназии, он проявил выдающиеся способности, увлекался археологией, зоологией, собирал окаменелости, которыми так богаты окрестности Керчи. К ним он возвращался не раз и в последующие годы, уже зрелым специалистом. В гимназии он прочел и первые книги по геологии, так что в университет он пришел уже достаточно подготовленным, с запасом не только книжных, но и добытых в поле геологических знаний.

В Новороссийском университете на первых курсах Н. И. Андрусов особенно увлекался зоологией, чему способствовали блестящие лекции И. И. Мечникова и то, что еще в восьмом классе гимназии он заинтересовался изучением морской фауны, результаты которого вскоре стал обрабатывать в геологическом кабинете университета под руководством профессора И. Ф. Синцова, который и стал первым его учителем на поприще геологии. Начиная с 1882 г., Новороссийское общество естествоиспытателей командует Н. И. Андрусова-студента ежегодно в летнее время для геологических исследований на Керченский полуостров. В 1884 г. опубликована его первая научная работа «Заметки о геологических исследованиях в окрестностях города Керчи». Коллекции, собранные летом 1882—1884 гг., легли в основу целой серии его первых исследований.

Курс университета Н. И. Андрусов завершил блестяще, но

*Н. И. Андрусов — приват-доцент Новороссийского университета.
1880 г.*

так как незадолго до этого подписался под протестом в связи с отставкой И. И. Мечникова, то не мог быть оставлен при университете. Только благодаря ходатайствам профессоров А. О. Ковалевского и В. В. Заленского ему была назначена стипендия для поездки на два года за границу с целью пополнения образования. Эта поездка имела для Н. И. Андрусова большое значение. Он познакомился с работой европейских научных центров

и крупнейших ученых. В Вене он слушал лекции и работал под руководством Э. Зюсса, М. Неймайра, В. Улига, в Мюнхене — И. Вальтера, К. Циттеля, О. Иекеля, в Загребе — С. Брусины. Ему удалось хорошо изучить геологические достопримечательности Германии, Франции, Италии.

После возвращения из-за рубежа Н. И. Андрусов по предложению профессора А. А. Иностранцева был оставлен профессорским стипендиатом при Петербургском университете, где к концу 1888 г. выдержал магистерские экзамены. В 1889 г. Н. И. Андрусов совершил первое свое путешествие в Закаспий, впоследствии ставшей второй, после Черноморья, геологической провинцией, которой он посвятил всю свою деятельность. В том же году он опять переехал в Одессу в связи с избранием на должность лаборанта геологического кабинета, а после защиты в начале 1890 г. в Петербургском университете магистерской диссертации «Керченский известняк и его фауна» стал также преподавать в качестве приват-доцента.

Близость к Черному морю вновь пробудила в Н. И. Андрусове интерес к изучению последнего, тем более, что неогеновые отложения Закаспия и некоторых других областей, в которых ему удалось побывать, имеют много сходства с черноморскими. Важной вехой одесского периода деятельности Н. И. Андрусова стала подготовка и участие в Черноморской глубоководной экспедиции, которая состоялась в 1890 г. Им вместе с профессором А. В. Клоссовским был разработан проект этой экспедиции, одобренный съездом естествоиспытателей и Географическим обществом. Последнее и субсидировало экспедицию на канонерке «Черноморец», в состав которой вместе с Н. И. Андрусовым вошли И. Б. Шпиндлер и Ф. Ф. Врангель. Экспедицией получены важнейшие научные результаты, в частности, сделаны два замечательных открытия: найдены на дне моря остатки послетретичной фауны каспийского типа и открыта зараженность глубин сероводородом, что сразу объясняло многие особенности Черноморского бассейна. Эти и другие научные результаты освещены Н. И. Андрусовым в серии публикаций, имевших большое научное значение.

Н. И. Андрусов был добровольным консультантом керченской городской думы по вопросам водоснабжения и многое сделал в этом отношении. В частности, керчане назвали водопровод в г. Еникале, сооруженный по указаниям Н. И. Андрусова, его именем.

В 1891—1892 гг. состоялась вторая поездка Н. И. Андрусова за границу, вызванная семейными обстоятельствами: в 1889 г. он женился на дочери знаменитого археолога Надежде Генри-

ховне Шлиман, а в 1891 г. его тесть умер. Эту поездку Н. И. Андрусов использовал для усовершенствования своих геологических и океанографических познаний, для расширения контактов с иностранными учеными. Он работал в Сорбонне, Загребском университете, участвовал в съезде британских натуралистов, где познакомился с участниками челленджеровской экспедиции и впоследствии поддерживал с ними научное общение. В эти годы он начал работать над крупным трудом о дрейсенеидах, который стал его докторской диссертацией.

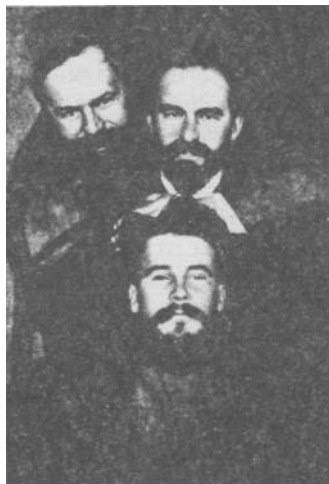
По возвращении в Россию Н. И. Андрусов стал работать приват-доцентом Петербургского университета, продолжая заниматься не только геологией, но и океанографией. Продолжением результативных черноморских экспедиций стала в 1894 г. экспедиция на турецком судне «Селяник» на Мраморное море, инициатором и руководителем которой был Николай Иванович. Эта экспедиция выяснила вопросы о взаимном обмене вод Черного и Средиземного морей, составе их глубинной фауны и геологической истории. Н. И. Андрусова давно привлекал и другой крупный водный бассейн — Кара-Бугаз, и с 1894 г. он начал работать сначала на его берегах, а в 1897 г. предпринял экспедицию на судне «Красноводск», которая дала много новых данных.

С 1896 г. Н. И. Андрусов работает в Юрьевском университете (Тарту). В 1897 г. он защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию, за которую Академия наук присудила ему Ломоносовскую премию. 1897 г. стал памятным для него активным участием в программе Международного геологического конгресса, впервые проводившегося в России. Н. И. Андрусов организовал для членов конгресса экскурсию на Керченский полуостров. Большое значение для развития науки имело предложение Н. И. Андрусова организовать международный плавучий институт — прообраз современных кораблей науки. Он работает в Румынии, на Керченском полуострове, в Крыму, на Кавказе, продолжая свою главную тему — восстановление геологической истории Понто-Каспийского бассейна и изучение стратиграфии неогена. С 1901 г. начались его экспедиции в Закаспий, которые дали огромный фактический материал, обрабатывавшийся им до конца жизни.

В 1905 г. Н. И. Андрусов занял кафедру геологии Киевского университета, объединил многих способных молодых ученых, проявивших себя в более позднее время. Можно говорить о школе Н. И. Андрусова в Киевском университете. К ней принадлежали М. В. Баярунас, В. В. Мокринский, Б.Л. Личков, С. А. Гатуев, А. Д. Нацкий, А. С. Савченко, А. В. Красовский,

Н. И. Андрусов в Киевском университете. 1910 г.

Н. И. Андрусов со своими учениками — М. В. Баярцисом и М. О. Клером. 1911 г.

В. П. Смирнов и др. В Киевском университете у Н. И. Андрусова проходил стажировку будущий академик М. А. Усов.

Главным объектом внимания Н. И. Андрусова в Киевский период стало создание детальной стратиграфии неогена юга России на палеонтологической основе. Широкое признание получил андрусовский стратиграфический метод, основанный на детальных палеогеографических реконструкциях, создаваемых с применением экологического анализа.

В 1912 г. Н. И. Андрусов переехал в Петербург, но министерство просвещения не утвердило его избрание профессором Петербургского университета. Поводом послужил известный радикализм Н. И. Андрусова. Директор Геологического комитета Ф. Н. Чернышев принял его на работу в комитет. В 1914 г. выдающиеся научные достижения Н. И. Андрусова были достойно отмечены избранием его в академики. После смерти Ф. Н. Чернышева он стал заведовать Геологическим музеем Академии наук.

После избрания в Академию наук Николай Иванович целиком сосредоточился на исследовательской работе и деятельности по лучшей организации Геологического музея, издания его

«Трудов» и «Геологического вестника». События Февральской революции 1917 г. мало его затронули. В то время как его близкий друг В. И. Вернадский активно откликнулся на эти события, был избран председателем Сельскохозяйственного ученого комитета министерства земледелия, товарищем министра народного просвещения Временного правительства, Н. И. Андрусов продолжал все также работать в Геологическом музее, был далек от общественной жизни. Октябрь 1917 г. он вслед за многими учеными отметил лишь со стороны тех лишений и тягот, которые принесла ему, его семье, многим петроградцам осень и зима 1917—1918 гг. Работа Геологического музея, как и многих других научных учреждений, разладилась. Голод, холод, дороговизна выгнали из города многих сотрудников Николая Ивановича и сам он все больше думал о переезде в южные края. Более всего ему подходил Киев, откуда ему написал В. И. Вернадский, занятый хлопотами по организации Украинской Академии наук. Однако бросить работу в Геологическом музее было непросто.

Летом 1918 г. Академия наук командировала Н. И. Андрусова на полевые работы в Крым. Николай Иванович с семьей переехал в Керчь, где продолжал работы на берегах пролива. Возвращение в Петроград представляло большие трудности, и он решил временно остаться в Крыму. Он начал работать в только что открывшемся Таврическом университете. Здесь из письма В. И. Вернадского он узнал о своем избрании в начальную работу в конце 1918 г. в Киеве Украинскую Академию наук, но пробраться в Киев не было возможности. В Симферополь после долгих странствий в экспедициях вернулись сыновья Вадим и Дмитрий и только судьба старшего Леонида, отправившегося на Кольский полуостров с биологической экспедицией, крайне беспокоила Николая Ивановича. Жизнь в Крыму также была тяжела: дочь Вера и Дмитрий заболели сыпным тифом. В октябре 1919 г. Николай Иванович получил страшное известие о гибели на Севере старшего сына Леонида. Это известие стало для него роковым: его поразил инсульт, отнялись рука и нога. На протяжении нескольких месяцев его состояние было крайне тяжелым. Близкие решили вывезти его во Францию. 25 марта 1920 г. Андрусовы сели в Севастополе на пароход «Aldo», взявший курс на Константинополь. Именно в эти дни в Симферополь приехал В. И. Вернадский, переболевший тифом и начавший преподавать в Таврическом университете.

Отъезд Н. И. Андрусова за границу был вызван тем, что его болезнь выбила всякую основу его деятельности и существования. По состоянию здоровья ему запретили читать лекции,

писать он фактически не мог, но самое главное — ему разрешили ходить лишь два-три километра в день, т. е., как писал он позднее Ф. Ю. Левинсону-Лессингу, «теперь я уже в практические полевые геологи не гожусь». Содержать хоть как-то большую семью в голодающей стране он бы не смог. В Париже был дом, оставленный в наследство Надежде Генриховне ее отцом, знаменитым археологом Г. Шлиманом. Дом давал небольшой доход, и Надежда Генриховна настояла на выезде.

После краткого пребывания в Константинополе Андрусовы прибыли весной 1920 г. в Париж. Николая Ивановича некоторое время лечили газовыми ваннами и душами, что немного его укрепило, но он не мог много ходить, не работала правая рука, поэтому с большим трудом он мог написать несколько строк. Ему купили пишущую машинку, на которой он начал неплохо печатать. Николай Иванович стал ходить в геологический кабинет Сорбоннского университета, которым руководил известнейший геолог Э. Ог, и немного заниматься определительской работой. Но быстро уставал, так что об активной исследовательской деятельности не могло быть и речи. Материальное положение семьи тоже было трудным. Приходилось считать каждую копейку. Надежда Генриховна занималась домашним хозяйством, кухней, стиркой, шитьем, штопкой. Дети учились, и это требовало немалых средств. Вадим занимался скульптурой, Дмитрий учился геологии, Марианна — на историко-филологическом факультете в Сорбонне, Вера училась музыке и для заработка шила шляпы.

Эмиграция для Николая Ивановича, очень русского по натуре, оказалась гибельным шагом. Он фактически оказался отлученным от научной деятельности не только геолога, работающего в поле, но и от кабинетной работы. Он был оторван и от объектов своих исследований, и от коллекций, и от научной литературы, и от своих учеников. Связь с Россией фактически прервалась. Обнаруженные в Архиве Российской Академии наук и Центральной научной библиотеке им. В. И. Вернадского АН Украины письма Н. И. Андрусова академикам В. И. Вернадскому и Ф. Ю. Левинсону-Лессингу из Парижа в Петроград полны отчаяния, просьб как-то помочь с научной литературой, вопросов о положении Геологического музея, о новостях научной жизни Советской России. Приведем отрывок из его письма (январь 1922 г.) Францу Юльевичу Левинсону-Лессингу, с которым его связывала долгая дружба и совместная работа в Петербурге и Юрьеве:

«Дорогой Франц Юльевич!

Нескоро я Вам отвечаю на Ваше письмо от 7 декабря. Письма теперь употребляют такое количество времени, и я так не избалован корреспонденцией, что и пишешь и получаешь письма изредка. Да и что в моей жизни меняется? Все по-одинаковому. Вы вот и две книги написали и несколько статей, но ничего не напечатали. А я за 4 года ничего не написал, сначала на бескнижии, а потом горе жизни и мое здоровье и оторванность от моих коллекций не дают мне силы духа ничего написать. Так, понемножку копаюсь теперь, когда мозг совершенно оправился. В отношении новой литературы во Франции еще очень плохо. Французская литература, конечно, есть, но с немецкой очень плохо, хотя там, по-видимому, дело идет. А русской с 1913 г. нет. Так что и во Франции скверно. Самому выписывать невозможно, так как все почти средства поглощаются на жизнь шести человек; жизнь здесь очень дорога. Двое учатся в университете, младший посвятил себя геологии. Может, продолжит мое дело. Я все еще надеюсь, что и мне удастся добраться до моих рукописей, фотографий и, может быть, коллекций, и двинуть затеянное дальше.

Я регулярно хожу в университет и роюсь в книгах, перечитываю старое. Между университетом и домом протекает мое время. Вечером я большей частью ничего не делаю. Глаза устают за день...

Работать по-настоящему я начал только с конца лета, где я август и сентябрь пробыл в Виллафранке на зоологической станции. Занимался, впрочем, только в библиотеке. Предпринимались лишь немногие пелагические уловы. Здесь, в Париже, с книгами дело также затруднительно, так как из библиотек геологического кабинета книги на дом вовсе не выдаются, а из библиотеки Геологического общества можно получить всего три книги. Делать выписки мне трудно, так как скоро пишу только на машине, а рукой (правой) пишу очень некрасиво, неразборчиво и быстро утомляюсь...

Очень хотелось получить сведения о Геологическом комитете и университете» [1].

В 1922 г. Андрусовы переехали в Прагу, здесь жизнь была дешевле, легче было дать образование детям. И здесь Николай Иванович пытался работать, но продвигался мало из-за нездоровья, отсутствия материалов, книг, контактов с научной общественностью, а главная — перспективы. Он скончался в Праге 27 апреля 1924 г.

После смерти отца Дмитрий Николаевич Андрусов, тогда начинающий исследователь, а впоследствии академик Словац-

кой Академии наук, при содействии известного русского геолога профессора В. Д. Ласкарева опубликовал в 1925 г. рукопись Н. И. Андрусова «Послетретичная тирранская терраса в области Черного моря», датированную автором 1923 г. Две статьи Николая Ивановича опубликованы в 1926 г. в «Бюллетене Московского общества испытателей природы». В 1933 г. в серии «Руководящие ископаемые нефтеносных районов Крымско-Кавказской области» вышел составленный Л. Ш. Давиташвили по Н. И. Андрусову «Апшеронский ярус».

Памяти Н. И. Андрусова было посвящено пленарное заседание на Третьем съезде русских академических организаций, состоявшемся в Праге в 1924 г. [2].

На родине Н. И. Андрусов, один из немногих ученых-эмигрантов, не был забыт. Работы Н. И. Андрусова по неогену стали отправной точкой дальнейшего развития стратиграфических исследований в Советском Союзе. Так, в начале 30-х годов новая стратиграфическая схема апшеронского яруса была разработана известным стратиграфом В. Е. Руженцевым.

В области изучения морского лито- и седиментогенеза прямыми продолжателями работ Н. И. Андрусова стали крупнейшие геологи академики А. Д. Архангельский и Н. М. Страхов. Развивавшееся Николаем Ивановичем направление выросло в обоснованную Н. М. Страховым теорию типов литогенеза. А. Д. Архангельский стал восприимчивым идей Н. И. Андрусова по применению для реконструкций палеогеографической обстановки сравнений ископаемых осадков и заключенной в них фауны с осадками и фауной современных морей.

Лучшим памятником Н. И. Андрусову стало издание в 60-е годы избранных его трудов в четырех томах [3]. Важно отметить, что это фундаментальное издание имеет далеко не мемориальное значение, а широко используется современными специалистами разного профиля. Издан и сборник воспоминаний о Николае Ивановиче [4].

Закончим этот очерк о Николае Ивановиче Андрусове его словами о природе науки, которой он был так предан. Эти слова, сказанные много десятилетий назад, трогают нас своей актуальностью и жизненностью: «Наука — это та область, где, может быть, более, чем в какой-либо другой области человеческих отношений проявляется чувство единства и братства, где не существует национальности, где ученые всех стран стремятся вместе к достижению одной цели — к познанию истины. Бывают тут и войны: и проливаются чернила, а по свойственной человеческой слабости наносятся тяжелые раны взаимному самолюбию, но и в этой войне, может быть, меньше, чем где бы то ни

было, играют роль национальности, и перед общими интересами науки исчезают границы государств. За последние годы создано множество международных предприятий, постепенно соединявших между собой ученых всего мира в единое братство, прообраз того братства всех народов, составляющего нашу вечную мечту» [5].

Литература

1. Архив РАН в Санкт-Петербурге. Ф. 347. Оп. 3. Д. 36. Л. 20–21.
2. *Новиков М. М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935. С. 6.
3. *Андрусов Н. И.* Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 1961. 711 с.; Т. 2. 1963. 643 с.; Т. 3. 1964. 633 с.; Т. 4. 1965. 403 с.
4. Воспоминания учеников и современников о Н. И. Андрусове. М.: Наука, 1965. 132 с. (Очерки по истории геологических знаний: Вып. 14).
5. Архив РАН. Ф. 567. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.